

СТЯАКЕР

Дмитрий Силлов

ЗАКОН СТАЛКЕРА

Апокалипсис-СТ

Дмитрий Силлов

Закон сталкера

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Силлов Д. О.

Закон сталкера / Д. О. Силлов — «Издательство АСТ»,
2017 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-106169-2

У любого нормального сталкера есть закон: друг – это всё. Ради него и жизнью рискнуть не проблема. И даже если он погиб, Зона может дать шанс вернуть его к жизни. Пусть ради этого придется сражаться с чудовищными монстрами, пройти через границу между мирами и возродить самый страшный кошмар Зоны – ради друга сталкер готов совершить невозможное... Но только готов ли твой товарищ сделать для тебя то же самое? И не выяснится ли однажды, что на самом деле не друга шел ты спасать, а того, кто отнимет у тебя всё, ради чего ты жил на этом свете?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-106169-2

© Силлов Д. О., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

33

Дмитрий Силлов

Закон сталкера

© Д. О. Силлов, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Автор искренне благодарит

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ, Вадима Чекунова, руководителя направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ, а также Алексея Ионина, ведущего бренд-менеджера издательства АСТ за поддержку и продвижение проектов «ГАДЖЕТ», «СТАЛКЕР» и «КРЕМЛЬ 2222»;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по черной Зоне отчуждения за ценные советы;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru и www.real-street-fighting.ru;

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Елену Диденко, Татьяну Федорищеву, Нику Мельн, Виталия «Дальнобойщика» Павловского, Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калинцева, Виталия «Винт» Лепестова, Андрея Гучкова, Вадима Панкова, Сергея Настобурко, Ростислава Кукина и Алексея Загребельного за помощь в развитии проектов «СТАЛКЕР», «ГАДЖЕТ» и «КРЕМЛЬ 2222»;

а также сертифицированного инженера Microsoft, выпускника MBA Kingston University UK, писателя Алексея Лагутенкова за квалифицированные консультации по техническим вопросам.

Тентованный «ЗИЛ» несся по асфальтовой дороге, темно-серой, почти черной после только что прошедшего дождя. Справа и слева от грузовика двумя мрачными стенами вздымался лес – корявый, страшный, изуродованный радиоактивными дождями, которые до сих пор льют не только в Зоне, но и далеко за ее пределами. Жуткое, неприятное место. Особенно ранним утром по коже мороз пробегает, когда солнце еще не взошло, и лишь унылое небо подсвечено снизу его лучами, отчего серые тучи зловеще отливают предрассветной кровью.

Однако грузовик летел под сто километров в час не потому, что мрачные пейзажи Предзона нагнали жути на водителя и его пассажира. Просто у обоих имелась четкая инструкция: не останавливаться ни при каких обстоятельствах, и груз доставить в максимально сжатые сроки. То есть, гнать машину быстро, как только это возможно. Впрочем, ничего необычного в этом не было. Стандартная инструкция для тех, кто гоняет грузовики в Киевский филиал Института аномальных зон и обратно, в столицу Украины. Что там, под тентом, водиле и охраннику знать не положено. Их дело – доставить груз в целостности и сохранности. Быстро. Максимально быстро.

– Аккуратнее на поворотах, дорога-то мокрая, – поморщился охранник, крепкий дядька с непропорционально тяжелой челюстью, как у мультяшного Щелкунчика.

– Вижу, не слепой, – сквозь стиснутые зубы отозвался водитель. – И так от графика отстаем на семь минут. Бригадир шкуру спустит, и премия считай медным тазом накрылась.

– Так она и без того накрылась, – зло усмехнулся охранник, поправляя куцый автомат MP5, который на поворотах то и дело съезжал на бок.

– Сразу видно, что ты в команде без году неделя, – скривился водитель. – За десять минут опоздания можно не только премии лишиться, но и реальный срок схлопотать. Секретный объект – не шутка, и безопасники в Институте хуже зонных мутантов... Вот, блин, накаркал!

Метрах в ста впереди из леса выметнулась гибкая тень, выскочила на дорогу – и понеслась впереди грузовика.

– Чего это такое? – вылупил глаза охранник.

– Мут, – коротко бросил водила. – Сто пудов мут. Хотя раньше я таких не видел. Зона, мля, опять расширилась, черт-те что в ней сейчас творится. Вот и повылазили паскуды, никакие кордоны их не держат.

Он нажал на клаксон. Но на мерзкий вой тварь не отреагировала никак. Как бежала впереди машины, так и продолжала бежать.

Видно было, что напуганный мутант несется изо всех сил – но все-таки медленнее грузовика. И водителю волей-неволей пришлось сбросить скорость. Он аж застонал от досады.

– Да задави его на хрен! – предложил охранник.

– Ага, разбежался, – окрысился водила. – Охренеть какой ты умный, прям как я без твоих советов до сих пор выжил-то, ума не приложу? Про закон подлости слышал? Если давануть, то по любому либо на кровавой тушке колесо заскользит и в кювет улетим, либо мясо на кардан или на оси наматается. На этом участке в месяц по три аварии...

– Так, хорош ныть, – перебил охранник монолог водителя, досылая при этом патрон в патронник автомата. – Вон на том повороте сбрось скорость до тридцати. Я высунусь и сниму эту тварюгу. Достала нах.

– По инструкции во время движения запрещено опускать стекла, разблокировать и открывать двери... – уже менее уверенно загундел было водила, но разозленный охранник не дал ему договорить.

– Всё, закончили трёп. Делай что говорю. Я из-за этого твоего грёбаного мутанта в тюрьму садиться не собираюсь.

Поворот приближался. Охранник открыл дверь, встал одной ногой на подножку, высунулся на полкорпуса и, вскинув автомат, принялся ловить на мушку гибкое тело, мельтешащее в десяти метрах перед бампером грузовика. Палец выдавил половину свободного хода спускового крючка, ладонь напряглась, готовая принять в себя отдачу...

Но тут откуда-то сверху упала черная тень.

Страшный удар выбил оружие из руки стрелка, а второй, нанесенный по затылку, отправил его в небытие. Бесчувственное тело упало на асфальт, прокатилось по нему, и рухнуло в кювет. А на пассажирское место плюхнулся человек в грязном и местами порванном серо-черно-белом городском камуфляже, странном для унылых осенних пейзажей Предзонья.

– Мне нужна твоя одежда и машина, – буднично произнес незнакомец. И увидев, что рука водилы механически потянулась к кобуре, висящей на поясе, добавил:

– Пистолет тоже.

Водила хотел было что-то сказать – но передумал, так как его горла коснулся клинок ножа. Черный. Цвета одежды, которую принято надевать на похоронах. Такая ассоциация мгновенно возникла в голове водителя грузовика.

– Хорошо, – негромко сказал он, плавно вжимая в пол педаль тормоза. Ибо единственное, что может сделать обычный человек в подобной ситуации – это не делать резких движений. И беспрекословно подчиняться приказам незнакомца, который пока что очень аккуратно касается твоей шеи лезвием боевого ножа.

* * *

О том, что в Зону нынче попасть очень непросто, я узнал еще по дороге из Москвы в Украину. Добираться пришлось автостопом на попутках – так хоть и дольше, но надежнее для человека, путешествующего с чужим паспортом, фотография в котором лишь очень условно смахивает на фото твоей собственной физиономии.

К тому же у меня с собой помимо рюкзака имелся огромный чемодан с незаметными дырочками для доступа воздуха, содержимое которого было категорически против любого досмотра. Иными словами, я скрытно тащил с собой из Москвы жуткого с виду мутанта, в которого, долгое время пообщавшись с одним не очень хорошим человеком, превратился мой ручной каракал Лютый. К тому же в столице тот нехороший человек Лютому лапу сломал, так что бросить старого друга я ну никак не мог. Пришлось брать его с собой. Тем более что он мне жизнь спас, поэтому у меня даже мысли не возникло оставить в Москве это чудовище, отравившее клыки и когти каждый длиною с мой мизинец.

Целью моей поездки был украинский филиал Института аномальных зон, расположенный неподалеку от печально известной черновыльскай Зоны. В этом закрытом учреждении ученые усиленно изучали аномалии и артефакты, которые частенько встречались на зараженных землях. А точнее – на огромной тридцатикилометровой свалке, куда гости из иномирья, которых сталкеры называли «мусорщиками», сбрасывали отходы своей высокотехнологичной цивилизации. То есть, те самые аномалии. И, конечно, артефакты, которые за свои необычные свойства весьма ценились во всем мире и стоили сумасшедших денег.

Но суть не в них. Просто в Москве я узнал, что вроде бы как убитый мною профессор Кречетов благополучно проводит свои исследования в Киевском филиале Института аномальных зон. И потому сейчас мне просто необходимо было навестить в тот храм науки. Чисто для того, чтоб долг отдать.

Однако сделать это оказалось непросто. Институт, в котором я до этого не был, оказался настоящей тщательно охраняемой крепостью. Прибыв в Предзоне, я выпустил из чемодана Лютого, и отправился с ним в разведку. Пошатавшись по окрестностям храма науки, я понял – так просто за высокий забор, обвитый по верху спиралью Бруно, пробраться не получится.

Поэтому мы с Лютым разработали хитрый план.

Именно так, мы с Лютым. Оказалось что я могу мысленно общаться с другом-мутантом. Ну, не ментально разговаривать конечно, как некогда с Японцем, а передавать мыслеобразы. Хочет Лютый жрать – я увижу связку сосисок или дохлого голубя. А я хочу, чтоб он пробежался по дороге перед движущимся грузовиком – мне достаточно такое представить, и мой котэ это дело сразу прочухает. Исполнит правда или нет – вопрос. Может повыпендриваться, ибо с характером. Но если поймет, что это мне действительно надо, поможет однозначно.

В Институт и обратно постоянно мотались тентованные грузовые машины, причем всегда в кабине кроме водителя присутствовал автоматчик. И поскольку из оружия у меня имелся только нож «Бритва», умеющий резать не только колбасу, но и пространство между мирами, пришлось мне мутить сложный план по захвату грузовика.

Мотка тонкой и прочной альпинистской веревки из моего рюкзака хватило, чтобы натянуть ее между деревьями над дорогой в том месте, где она делает крутой поворот. И даже осталось для того, чтобы связать из нее что-то типа «тарзанки». В остальном оставалось полагаться на то, что Лютый сделает всё как надо, а я при прыжке с дерева не промахнусь.

За время нашего путешествия из Москвы в Украину лапа Лютого зажила полностью – мутант же, а у них с регенерацией всегда было отлично. Так что бежал он довольно шустро. Ну и я не промахнулся при прыжке, зря что ли форму поддерживал в куче разных миров уходя от погонь, стреляя, перекачываясь и качаясь посредством перетаскивания на себе различных

тяжестей – порой не только рюкзаков и раненых товарищей, но и весомых мешков с хабаром. Вот только жаль, что подобное случалось довольно редко, м-да...

В общем, всё у нас получилось. Предыдущий экипаж кабины остался лежать в кювете не особо крепко связанный куском той же альпинистской веревки – часа за два точно освободятся. Я же сейчас, одетый в форменную камуфлю водилы, вел грузовик, а на пассажирском сиденье довольно улыбался Лютый.

Ну да, оказалось, что мой котэ умеет улыбаться не хуже своего Чеширского соплеменника. С непривычки, увидев такой оскал длиннющих клыков можно от страха штаны испачкать. Всё равно что сухопутная акула осклбилась, или крокодил с гибким телом и когтистыми лапами. Но я уже по привычке, поэтому особо не рефлексировал. Домашнее животное довольно – и хозяину на душе тепло.

Филиал Института аномальных зон располагался примерно в километре от границы самой Зоны. Оно и понятно, чем ближе к объекту изучения, тем лучше. Говорят, яйцеголовые настаивали на постройке Института в самой Зоне, но правительство Украины послало их... на километр подальше от охраняемого кордона. Ибо не фиг. Артефакты им для изучения вояки и так приволокут, даже кусок почвы с аномалией аккуратно выдерут из Зоны и притащат, если уж сильно приспичит ученым ту аномалию препарировать. Ну и хорош с них. А то еще раскопают чего, что им знать не положено. Или мутанты их во время гона передушат как цыплят, потом международного резонанса не оберешься. Короче, из соображений «как бы чего не вышло» построили филиал неподалеку, отделив его от Зоны и любопытных глаз высоким забором и, само собой, приставив к секретному объекту надежную охрану. Потому сейчас и ехал я туда в трофейной униформе, отчаянно соображая, какую бы мне отмазу придумать насчет того, куда делся из кабины мой охранник. Ибо улыбающийся Лютый с горящими глазами и кисточками на ушах на давешнего автоматчика был ну совершенно не похож. Да и фото на документах водилы с моим портретом не имело ни малейшего сходства. В общем, авантюра из авантур, на тему «авось прокатит» и «проблемы будем решать по мере их возникновения»...

Внезапно в моей голове отчетливо возник образ растерзанной крысы. При этом я был вынужден понимать, что ее требуха и почему-то хвост есть самые вкусные на свете вещи. Понятно. Лютый захотел жрать после пробежки. Понимаю его. Сам бы не отказался заточить, например, борщ с кальмарами под румяные пирожки с лесными грибами да кувшин кизилового компота. Или, на худой конец, консерву тушенки, запивая ее из фляги водой с кислым алюминиевым привкусом...

Но мне было недосуг. Сначала дело, потом привал. Но от крысьего мыслеобраза, назойливо поворачивающегося в моем воображении туда-сюда, выставляя напоказ наиболее вкусные места, меня уже начало слегка подташнивать. Поэтому я притор-мозил, потянулся, открыл противоположную дверь, и скомандовал:

– Иди, охоться. Будешь нужен – позову. Или ты зови, если очередной псионик начнет тебе мозги полоскать.

Лютый мявкнул, потерся мордой об мое плечо – и сиганул из машины. Признаться, я ему даже слегка позавидовал. Минут через десять уже будет валяться где-нибудь под деревом, сытое пузо лениво когтями почесывать. А мне еще крайне сомнительную миссию выполнять с риском получить в брюхо порцию свинца вместо калорийного завтрака.

Мысленно поныть, себя пожалеть, посетовать на тяжкую долю – это ни для кого не в падлу. Это нормально. Главное не вслух, чтоб никто не услышал и не понял, что очередных приключений на нижнюю чакру ищет себе не офигенный, мать его, супергерой, а самый обычный человек с некоторыми необычными способностями. Например, стрелять чуток лучше, чем большинство народу, и немного замедлять личное время, когда срочно надо ту самую чакру вытаскивать из крайне сложной ситуации. Вот, пожалуй, и все преимущества, которые никоим образом не отменяют синяки, переломы, ранения – и боль, сопровождающую все эти непри-

ятные побочные эффекты моего предназначения зачищать мир от всяких уродов. На хрен бы мне оно сдалось, кстати. Но, как говорится, от судьбы не уйдешь.

Между тем унылый рассвет хоть тяготно и лениво, но все-таки вступил в свои права. Лес расступился, и я увидел забор Киевского филиала Института аномальных зон. И мощные ворота, в тот забор старательно вваренные...

Открытые ворота.

Створки распахнуты настежь, возле них секьюрити валяются. Двое. То ли мертвые, то ли грамотно вырубленные, ибо луж крови я рядом с ними не заметил. Хотя, может, плохо приглядывался. Надо оно мне, когда проблема проникновения на охраняемую территорию отпала сама собой? Правильно, совершенно ни к чему.

Поэтому вместо того, чтобы рассматривать тела, я их просто объехал – и, поддав газу, рванул вперед по асфальтовой дороге, упирающейся в главное здание Института. Серое, унылое и мрачное как сама Зона, которую в данном храме науки ученые мужи вдумчиво изучали уже многие годы.

Однако предполагаемой стрельбы по моей машине не случилось. Некому было стрелять. Вдоль дороги тоже валялись тела охранников, штук пять или шесть. Все с автоматами, но без пятен крови на одежде, которые трудно не заметить даже из движущегося грузовика.

Парадная дверь Института была нараспашку, как и ворота. Поэтому, сбросив скорость, я уже без особой опаски подъехал к крыльцу, вылез из машины, и беспрепятственно вошел в здание.

Перешагнув через бездыханное тело еще одного незадачливого секьюрити, я зашел в вестибюль, похожий на внутренность огромного и дешевого гроба. Серые бетонные стены навевали уныние, а прямоугольные дыры в них, являющиеся началом множества коридоров, вызывали ассоциации с печами крематория.

– Ну и куда теперь? – пробормотал я себе под нос...

И тут же заткнулся, прислушавшись.

В глубине одного из коридоров явно слышался какой-то ритмичный стук. Ну, я и пошел на звук, рассудив, что если кто-то что-то увлеченно долбит, то вполне можно отвлечь его от этого занятия, чтобы как следует расспросить. Или допросить, если с расспросами не получится.

В стены коридора справа и слева были вмурованы стальные двери с заклепками по периметру. Под потолком горели плафоны, натянутые в стальные полукруглые сетки, предохраняющие от случайного удара. Интересно, с чего это Институт больше напоминает бункер, чем научное учреждение? И куда подевались его сотрудники, в частности – недобитый мною профессор Кречетов, ради которого я и сорвался из Москвы в эти места, которые уже довольно давно проклял от всей души? Что ж, еще один поворот бетонной кишки, и я так или иначе получу ответы на свои вопросы.

Я вытащил из кобуры пистолет, поднял его на уровень лица, шагнул за угол...

Долбежка прекратилась. И я еле увернулся от небольшого молотка, летящего мне прямо в лицо.

Тот, кто кинул им в меня, с немыслимой быстротой катнулся по полу, уходя с линии выстрела. Я тоже рванул вправо, так как заметил в руке незнакомца какой-то тусклый блеск, не предвещавший ничего хорошего. При этом моя рука с пистолетом сама, на автомате сопровождала стремительно движущееся тело, беря упреждение на полкорпуса, ловя на мушку ту точку пространства, где оно появится через долю секунды. А указательный палец уже почти выдавил всю слабинку спуска...

Но я не выстрелил.

Почему? Не знаю... Вот убейте меня – не знаю. Глупость? Наверно да. Потому что в следующую секунду мою кисть обожгло огнем – и вырванный из нее пистолет с металличе-

ским лязгом упал на бетонный пол. А потом я увидел, как ко мне тягучей молнией рванулся незнакомец в странном темно-сером балахоне под цвет тумана и бетона. И понял, что ни фиги не успеваю выдернуть из ножен «Бритву», потому что этот человек явно движется быстрее меня, и его нож, зажатый в руке, коснется моего горла раньше, чем я успею смачно и коротко выматериться от досады...

Но он сделал это раньше.

Остановился на полпути, словно наткнулся на невидимую стеклянную стену, и из-под глубокого капюшона, полностью скрывающего лицо, раздалось глухое:

– Ксоо!

И мне как-то вдруг сразу полегчало. Потому что в Предзоне вот так от души ругаться на японском языке мог лишь один человек. Помнится, в свое время он мне рассказывал, что эта привычка сохранилась у него со времен обучения в Школе клана якудзы – тогда ему только и оставалось, что материться про себя да глотать вязкую слюну, часто имеющую привкус собственной крови.

Я опустил глаза, посмотрел на небольшой лоскут кожи, сорванный с кисти тонкой стальной цепью, и все-таки не выдержал:

– Ну японка мать! Ты когда-нибудь будешь сначала думать, а потом бить?

– Как будто ты сначала репу чешешь полчаса, а потом стреляешь, – немного смущенно проговорил Виктор Савельев по прозвищу Японец, откидывая назад свой капюшон.

– Понятно, – сказал я, доставая из кармана аптечку. – Это типа вместо извинения, я правильно понял?

– Хорош тебе стонать, – буркнул Японец. – Подумаешь, царапина. Зеленкой помажешь, и через два дня заживет как на собаке.

– Угу, я тоже рад тебя видеть, – сказал я, над-рывая зубами упаковку с бактерицидным пластырем. – А теперь объясни, какого ктулху ты тут делаешь?

– Пытаюсь вскрыть вот это, – сказал Виктор, кивая на огромную стальную заслонку, перегораживающую коридор.

Именно заслонку. Так как дверью назвать это бронированное нагромождение стали, вмурованное в бетон, язык не поворачивался.

Но Савельева трудности никогда не пугали. И без расспросов было понятно, что открытые ворота Института и охранники, валяющиеся вдоль дороги – его работа. А теперь он при помощи молотка и зубила умудрился выковырять в бетоне под дверью нехилую нишу, в которую запросто мог пролезть чемодан средних размеров. При этом я заметил, что валяющееся на полу зубило, которое Виктор метнул в меня, было уже сточено на треть. Это как же он молотил по нему? И сколько? О чем я и поинтересовался.

– За полчаса выдолбил, – сказал Виктор. – Правда, устал.

– Да ну! Всего-то полчаса поработал в режиме перфоратора и притомился?

– В состоянии мунэн¹ работаете лучше, чем обычно, – не понял подколки Виктор – или сделал вид, что не понял.

– Даже не спрашиваю, зачем ты эту нору выковырлял, – уже более серьезно сказал я. Это было понятно и так, ибо рядом с Японцем на полу стояла раскрытая спортивная сумка, набитая брикетами взрывчатки. Стало быть, нишу в бетоне мой старый хммм... знакомый долбил для закладки заряда под бронеплиту.

– Зачем – не спрашиваю, – повторил я. – А вот на фиги – непонятно.

– Он там, – сказал Виктор, кивнув на стальную заслонку.

¹ Мунэн (яп.) – состояние отсутствия мыслей.

– Кто? – спросил я, хотя можно было и не сотрясать воздух понапрасну. Ибо и так было понятно, что существовал лишь один человек во всей Розе Миров, ради убийства которого Японец мог не просто ковырять, а даже грызть бетон зубами, лишь бы добраться до него.

Виктор молчал, глядя не на меня, а сквозь меня пустым взглядом мертвеца, которому забыли опустить веки.

– Они... погибли? – тихо спросил я. – Ты не успел?

Просто последний раз я видел Виктора Савельева перед тем, как он шагнул в хронотелепорт, созданный профессором Кречетовым. Для того, чтобы вернуться в прошлое и спасти своих жену и ребенка, убитых... профессором Кречетовым. Тогда находящийся при смерти ученый клялся, что всё осознал и готов исправить ошибку. И вот сейчас Японец с мертвыми от горя глазами, похоже, готов был ногтями выковыривать профессора из-за стальной перегородки и зубами рвать на куски...

Бледные, обескровленные губы Японца шевельнулись.

– Он не обманул, – глухо проговорил он. – Я был там, но слишком далеко. Я видел, как машина отъезжает от ворот моего дома, как закрывается почтовое окошко в воротах. Я даже успел заметить мелькнувшую в нем руку жены, которая приняла посылку. Я бежал... И я не успел. Они второй раз взорвались у меня на глазах... И сейчас я просто хочу выковырять оттуда эту тварь в человеческом обличье, которая заставила меня вновь пережить...

Он задохнулся. Ему не хватило воздуха, чтобы договорить.

Понятно. Нервный спазм, который может случиться у любого живого человека, даже у синоби², которого в Японии тренировали лучшие мастера клана якудзы.

Я вполне понимал Виктора. Второй раз пережить смерть самых близких людей – что может быть ужаснее? Но в то же время...

– А ты не думал, что можно попытаться еще раз? – осторожно поинтересовался я. – Ну, что профессор мог просто неумышленно ошибиться? Как я понимаю, на пару минут...

– Я думаю, что он специально отправил меня туда так, чтобы я бросился вперед, пытаюсь их спасти, и погиб. Ведь если бы я спас свою семью, то мы с тобой никогда б не встретились. Ты бы, скорее всего, не вернул Монументу артефакт «чистое небо», и дьявол его знает как бы всё дальше повернулось. А так второй «я» пошел выполнять свою миссию, и...

– Не думаю, что всё обстоит именно так, – покачал я головой. – Мне уже приходилось возвращаться во времени и изменять события, однако никаких глобальных катастроф это не вызвало. Время лабильно, к тому же у него существует много вероятностей, не позволяющих ему меняться кардинально. Помнится, во время нашей первой встречи ты говорил мне, что у тебя сын, верно?

– Д-да, – в некотором замешательстве проговорил Виктор, в стеклянных глазах которого за все время нашего разговора промелькнула какая-то живая искра. – Сын, Миямото... Был...

– А тот Японец, что шагнул в портал телепорта, шел спасать жену и дочь. И в тот момент и ты, и я воспринимали этот факт как само собой разумеющееся.

– Что? Какая дочь? У меня был сын!!!

– У тебя – да, – мягко проговорил я. – Но, как я понимаю, когда ты стоишь возле включенного хронотелепорта, временные вероятности множатся. Время защищает себя от катаклизмов, и, думаю, в нем возможны гораздо более серьезные изменения, чем опоздание с прибытием на несколько минут³.

Японец стоял на месте, словно громом пораженный. Правда, через несколько секунд к нему вернулся дар речи.

² Синоби – японское прочтение китайского иероглифа «ниндзя» (в переводе «человек, умеющий ждать; тайный агент»). В древней Японии ниндзюцу и синобидзюцу были синонимами.

³ События, описанные в романе Дмитрия Силлова «Закон долга» литературной серии «Сталкер».

– Если б это сказал не ты, я бы наверно убил того человека. Просто чтобы он больше никому не давал несбыточных надежд. Но тебе я вынужден верить...

– Ну наконец-то у него мозг включился, – раздался откуда-то из-под потолка голос, усиленный и одновременно искаженный динамиком. – Спасибо, Снайпер. Без тебя он бы всех нас угробил. То, что он собирался заложить под шлюз, ему бы вреда не принесло. Но могло обрушить всё здание Института, которое спроектировали как попало, да еще и построили ни пойми из чего. В результате слабокислотные дожди частично разрушили фундамент и стены, и мощный взрыв вполне мог...

– Кречетов, это ты? – крикнул я, устав слушать сетования по поводу горестной судьбы украинского филиала Международного института аномальных зон.

Матюгальник под потолком обиженно заткнулся, но через трехсекундную паузу выдал:

– А кто ж еще?

– Хорошо, – кивнул я. – Теперьпусти меня и Виктора.

– Ага, разбежался, – отозвался Кречетов. – Помнится, предпоследнюю мою копию ты благополучно сжег в моей же лаборатории⁴.

– Ты сам это сделал, – заметил я.

– Ну да, магазин пушки Гаусса тоже я ис-портил.

Я не стал переубеждать профессора. Разговор на тему «это была не моя вина» был бы похож на оправдание, да и времени на него не было.

– Помнится, из этой пушки ты собирался меня сжечь, – сказал я. – И давай на этом закончим.

– Давай закончим, – согласился Кречетов. – Уведи отсюда этого чокнутого, и сам свали пожалуйста куда-нибудь подальше. И закончим.

– Не договоримся, – качнул я головой. – И если ты не откроешь через десять секунд, я, пожалуй, начну помогать Виктору закладывать взрывчатку.

– Ну почему я раньше не поставил над дверью автоматический пулемет, – горестно вздохнул матюгальник. – Хорошо, открываю.

В стене что-то мерзко зашипело, потом загудело – и тяжеленная створка нехотя отъехала в сторону, открывая проход. В глубине прохода стоял Кречетов в экзоскелете, держа в руках пушку Гаусса продвинутой модели «G-3», стреляющую искусственными аномалиями. Забрало экзоскелета было сдвинуто наверх, и мы отлично видели слегка напряженное и немного бледное лицо профессора. Понятно зачем он лицо открыл – так целиться проще, чем через многослойное стекло. То есть, настроен решительно.

По лицу Виктора я видел, что ему отчаянно хочется броситься вперед и изрубить ученого на мелкие кусочки одним из мечей, которые Савельев по-прежнему носил за спиной, крест-накрест. Но я искренне надеялся, что ярость еще не затопила в нем остатки благоразумия, ибо кидаться грудью на пушку Гаусса есть занятие неприятно-болезненное и на девяносто девять процентов фатальное.

– Ну и расскажите мне, почему я сейчас не должен нажать на спусковой крючок? – проговорил Кречетов.

– Наверно потому, что не нажал сразу, – сказал я. – А значит мы тебе зачем-то нужны. Так же, как и ты – нам.

– Хммм... – задумчиво протянул Кречетов. – Ну, предположим, я вас не убью. И кто мне даст гарантию, что вот этот отморозок с мечами снова не попытается распороть мне брюхо и засунуть туда взрывпакет? Я, знаете ли, дорожу своим кишечником, который для моего возраста функционирует просто идеально.

⁴ События, описанные в романе Дмитрия Силлова «Закон свободы» литературной серии «Сталкер».

– Я дам гарантию, – неожиданно проговорил Японец. – Даю слово, что сегодня тебя не убью. Но только сегодня.

– И на том спасибо, – сказал Кречетов, однако не торопясь опускать свою ручную пушку. – А теперь выкладывайте, чего вам от меня надо.

– Виктору нужна твоя жизнь. Либо – как вариант – вторая попытка перемещения во времени. Это ты, думаю, и так понял, – сказал я. – А мне нужно, чтобы ты оживил моего друга. По телевизору недавно говорили, что тобой разработана технология полного восстановления организма из одной клетки. Мол, ты вырастил живую-здоровую крысу из волоска мертвой, при этом она после оживления прекрасно помнила все свои прежние повадки. У меня есть кусочек шкуры одного мутанта, который...

– Да-да, конечно, – устало перебил меня профессор. – Ну да, вырастил, было дело. Утер нос всем этим напыщенным яйцеголовым западникам, которые годами сосут бюджет налогоплательщиков, а воз и ныне там. Помнится, у них аж очки запотели, когда под лучом тот волосок начал притягивать к себе разложенные возле него куски мяса. А потом из этой кучи плоти стала формироваться уже живая крыса. Помнится, заготовка, еще не обросшая как следует мышцами, то и дело норовила убежать из-под луча. М-да... Да только, боюсь, это была моя последняя демонстрация такого масштаба.

Мы с Японцем переглянулись.

– В смысле последняя?

– Да просто сразу после нее один герой-сталкер уничтожил Монумент, который питал аномальной энергией всю Зону. И, в том числе, лаборатории этого института. Мы ее, родимую, прям из-за кордона качали через специальные энергоуловители моей конструкции. А сейчас всё, финиш. После уничтожения Монумента нам сразу урезали финансирование вполовину. Понятное дело. Нет аномальной энергии – нет исследований.

– Это почему? – удивился я.

– А чем, молодой человек, прикажете аномалии с артефактами препарировать? – язвительно поинтересовался Кречетов. – Стальным скальпелем резать? Так любая аномалия тот скальпель с удовольствием сожрет вместе с лаборантом. Все установки и приборы Института на аномальной энергии работают, и сейчас ее запасы практически на нуле. Так что, считай, накрылся институт. Сотрудники почти все разбежались. Последних охранников этот... Японец перестрелял. Короче, всё. Нету больше ни профессора Кречетова, ни его научных чудес. Осталась только Зона-свалка для отходов «мусорщиков», да озверевшие фанатики разрушенного Монумента, которые когда не пытаются его восстановить, то ищут Снайпера, чтобы отомстить. Даже «Борг» с «Волей» тихо сидят, не суются в это дело. И у них, говорят, тоже народ в бега подается потихоньку.

– Ну а это с какой радости? – поинтересовался я, изрядно расстроенный рассказом Кречетова. Что, впрочем, не мешало процессу вытягивания информации из разговорчивого профессора.

– Да с такой, – огрызнулся Кречетов. – Кто-то портал между мирами открыл, а закрыть забыл. И теперь оттуда всякая нечисть лезет.

– Так я ж своими глазами видел, как он был заделан намертво, – слегка обескураженно сказал я. – Там робот из него лез, его молниеметом в портал и вплавили...

– Вплавили, ага, – проворчал профессор. – А потом какой-то придурок-«монументовец» по тому роботу из гранатомета кумулятивным шибанул⁵. Выбил пробку на фиг, и полез в другую вселенную новый Монумент добывать. До сих пор добывает. Вместе с остальными фанатиками, которые за ним следом полезли.

– М-да, – пробормотал я. – Есть же закон, не стрелять в памятники Зоны...

⁵ Об этих событиях можно прочесть в романе Дмитрия Силлова «Закон монолита» литературной серии «Сталкер».

– Закон есть, – кивнул Кречетов. – А хрен ли толку. Дуракам закон не писан. Причем к тебе, Снайпер, это тоже относится. От тебя для Зоны одни проблемы.

– Знаешь, у меня тоже с ней проблем хватает, – огрызнулся я. – Ты лучше скажи, делать-то чего? Есть способ вернуть Виктора в прошлое и оживить Рудика?

– Вот не пойму, мы с тобой на «ты» или на «вы», – прищурился профессор. – А то как встретимся, ты со мной то так, то эдак.

– На «ты» когда мне грохнуть тебя хочется, да так, что сил нет, – признался я. – Так-то я вежливый вообще-то. И очень добрый. Если меня не злить. В этом мы с Виктором очень похожи, ага.

– Точно. Похожие как два старых «берца». Грязные, вонючие и тупорылые.

– Чего ты сказал? Повтори! – сквозь зубы прошипел Савельев.

– Тихо, тихо, не заводись, – дернул я его за рукав. – Пусть говорит что хочет. Лишь бы что-то дельное сказал.

– Но-но, полегче, – хмуро качнул стволом Кречетов. – Ладно, беру слова обратно. Я тоже живой человек, и нервы у меня не железные. Особенно когда вас вижу, сдают они сильно... Короче, думаю, есть шанс восстановить Монумент.

– Странно, что его Зона сама не восстановила, – вставил я давно вертевшееся на языке. – А то я, помню, когда антенну взорвал, так она...

– Трудно додуматься, сталкер? – вздохнув, перебил меня Кречетов. – Монумент – это основной генератор аномальной энергии. Ничего без него Зона восстановить не может. Неужели не понятно?

– Теперь понятно, – покладисто кивнул я. – Ну и что там за шанс?

– Всё просто, – хмыкнул Кречетов. – Саркофаг это, выражаясь словами Карлоса Кастанеды, место силы. Доставьте туда фрагмент другого Монумента, а дальше Зона сама всё сделает. Причем фрагмент не мертвый – там под Саркофагом до сих пор осколки Монумента валяются, тусклые, словно бутылочные стекла. Живой кусок Монумента нужен, светящийся, полный энергии. Тогда, надеюсь, можно будет что-то сделать.

– Не понял, – нахмурился Японец. – Это как? Расколоть аномалию и приволочь ее светящийся кусок при том, что, будучи разбитыми, они не светятся, как ты сам только что сказал.

– Да по мне хоть целый Монумент притащите, мне без разницы, – пожал плечами Кречетов. – От горелой спички костер не развести. Целая нужна. Надеюсь, аналогия понятна?

– Понятна... – почесал я в затылке.

– Ну, если понятна, то и проваливайте отсюда, – нелюбезно сказал Кречетов. – А то у меня палец на спуске уже минут пятнадцать как чешется, сил нет. Боюсь не удержаться и нажать. Монумент это, конечно, не возродит, но хоть моральное удовольствие получу.

– Всё-всё, уходим, – примирительно сказал я. И потянул за рукав Японца, угрюмо смотрящего на Кречетова. – Пошли уже.

Виктор неохотно подчинился. За нашими спинами тяжело захлопнулась стальная створка.

– И что теперь? – недовольно поинтересовался Савельев. – Пришли ни с чем – ни с чем и уходим? Где нам теперь тот другой Монумент искать? По ту сторону границы миров, откуда не возвращаются?

– Я там был, и не раз, – сказал я. – И, как видишь, вернулся. Так что попытаться можно...

Мы вышли из здания Института. Неподвижные тела охранников по-прежнему валялись вдоль до-роги.

– Это ты типа красиво так шел, швыряя сюрикены или что там у вас положено швырять, а они даже автоматы поднять не успели? Или все-таки от пуль уклонялся?

– Ты поменьше всякие бредовые книжки читай, и кино американское смотри в меру, – посоветовал Савельев. – Это я тупо вон на то дерево залез, что по ту сторону забора, и из фукии их всех отработал.

– Из чего?

– Из духовой трубки. Дротиками, отравленными разбавленным ядом из подглазных желез жабы хикигаэру. Полежат еще с полчаса, очнутся, проблюются – и будут как новенькие.

– Понятно, – кивнул я. – Чего ж тут непонятного.

Признаться, мне было немного завидно. Вот идет рядом человек, напичканный древне-японскими сюрпризами, словно автоматный магазин патронами. И мочить никого не надо, и даже калечить необязательно. Пришел, сделал всё, что хотел, и ушел себе. При этом все живы, здоровы, и крайне довольны этим фактом. Потому что в случае чего этот жилистый парень может очень эффективно работать не только с разбавленными ядами, но и с неразбавленными. А также со своими мечами, рукоятки которых выглядывают у него из-за плеч.

Однако холодняк холодняком, но вооружаться нам нужно было более серьезно. Предстоял поход в Зону, где хорошие мечи-ножи, конечно, уважают, но сильно после даже самого хренового огнестрела. И правильно делают, кстати.

Я подошел к охраннику, валяющемуся в отключке, и поднял лежавший рядом с ним тупо-рылый МР5. Оружие неплохое для ближнего боя, под пистолетный патрон 9×19 миллиметров, изобретенный более ста лет назад. То есть, проверенный временем... но – пистолетный. То есть, маломощный, которым завалить человека вполне можно, но вот для битв с крупными мутантами лучше, конечно, обзавестись чем-то посolidнее.

О чем я Виктору и сказал.

– Ну и где нам тут искать это «посolidнее»? – поинтересовался Савельев, проигнорировав протянутый мною второй автомат.

– Есть одно место, – сказал я. – Надеюсь, там в помощи не откажут.

* * *

Проникнуть в Зону оказалось проще, чем я рассчитывал. Третьего и Второго кольца обороны, окружавших Зону, больше не существовало.

Порванные заграждения, словно через колючую проволоку прошел танк... Пустые пулеметные вышки... Мусор, разбросанный по желто-серой траве... И гильзы. Много стреляных гильз, валяющихся под ногами. Очень много. В некоторых местах земля была буквально завалена ими, будто ковром, тихо позвякивающим под нашими подошвами.

– Гон тут прошел, – сказал Японец, ткнув пальцем на следы огромных когтистых лап, глубоко вдавленных в почву. – Мутанты шли. Здоровенные. Я таких в Зоне не видел.

– Надеюсь, их остановили возле Киева, – сказал я. – Танками. Иначе, думаю, никак бы не вышло. Жуков-медведей вряд ли по-другому получилось бы тормознуть.

– Жуков-медведей?

– Муты из вселенной Кремля, – пояснил я. – Думаю, стая пролезла через тот разрыв, про который говорил Кречетов. Ну и рванула через кордоны...

Так за беседами-разговорами-разглядываниями следов мы дошли до Первого кольца, которое местные сталкеры называли кордоном.

На севере Зоны кордон представлял собой настоящее укрепление: бетонная стена, бронеколпаки, крупнокалиберные пулеметы под ними, генераторы излучения, препятствующего избыточному выделению энергии, зенитные автоматические пушки – и многие другие прелести, препятствующие проникновению в Зону, а также несанкционированному выходу из нее. Строили Стену американцы, охраняя свою зону влияния на зараженных территориях. Это и

понятно – пиндосы всегда ревностно оберегают то, что приносит им доход. Не удивлюсь, если гон жуков-медведей был без особых проблем отфутболен от северного кордона.

С юга же всё обстояло намного проще. Забор из колючей проволоки, смонтированный на воткнутых в землю стальных трубах, и пустые консервные банки на нем, которые типа должны гроыхать, когда сталкер снаружи или мутант изнутри попытается штурмовать заграждение.

Вдоль ряда «колючки» тянулась грунтовая дорога, по которой периодически туда-сюда катались БТРы, патрулируя периметр. Видно было, что на довольно обширном участке забора намотана свежая проволока без признаков ржавчины. Значит, муты прорвали заграждение, которое военные быстро восстановили. В этом, конечно, «колючке» не откажешь. Дешево, плюс вернуть всё как было можно легко и непринужденно.

К кордону мы подошли, скрываясь в березовой роще, раскинувшейся неподалеку от КПП «Дитятки». Несложное занятие в сумерках, особенно когда местность знаешь. Я – знал, потому обнаружить нас было практически нереально. До тех пор, пока на дорогу не выйдем, конечно, и в Зону пролезть не попытаемся.

– Дождемся, пока БТР проедет, – негромко сказал я. – Потом мухой рвем вперед. Я «Бритвой» режу заграждение – и мы в Зоне.

– А пока ждем, невредно будет кое-что обдумать.

И мы принялись обдумывать кое-что, предложенное Японцем в ответ на мой простой и бесхитростный план. Причем через несколько минут я был вынужден признать, что «кое-что» Савельева хоть и безумно на первый взгляд, но не лишено практического смысла.

Вскоре послышался шум двигателя, и мы синхронно заткнулись. Мимо нас, переваливаясь по разбитой в хлам дороге, неторопливо протащился древний БТР-80, оставшийся украинским военным в наследство от разваленного Советского Союза. На броне сидели двое снулых бойцов с автоматами на коленях, всем своим видом демонстрирующих полное отсутствие желания тащить службу. Но при этом я знал точно – несмотря на скорбный вид, эти бойцы не преминут вскинуть стволы и начинить свинцом любой двуногий кусок мяса, решившийся пробраться на запретную территорию.

Из-за деревьев мы понаблюдали за тем, как бронетранспортер скрылся за поворотом дороги, после чего, как и было мной озвучено, рванули.

Добежав до забора из колючей проволоки, я уже совсем было собрался рубануть по нему «Бритвой», как Виктор с мощным выдохом врезал ногой по ближайшей стальной трубе-опоре, на которую была намотана «колючка».

Признаться, я и не думал, что так можно ударить! Не, я и сам вполне могу кому-нибудь в челюсть с ноги зарядить, да так, что мало не покажется. Но одно дело нокаутировать живого человека – и совершенно иное ударом ноги согнуть чуть не пополам толстую стальную трубу, которую вдобавок вырвало из земли и отбросило в Зону на пару метров. При этом, естественно, ряды колючей проволоки порвались словно гнилые нитки.

Проход был открыт.

– Куда? – коротко бросил Японец.

Я ткнул пальцем в направлении относительно недалекой заброшенной деревеньки, и мы побежали. С максимально возможной скоростью, потому что патрулирующие кордон БТРы имеют свойство появляться в самый неподходящий момент.

Возле крайней развалюхи мы остановились перевести дух. Вернее, я остановился восстановить дыхание. Савельев же кажется мог пронестись как сайгак через всю Зону ни разу не запыхавшись. Причем туда-сюда, и не один раз.

– На фига? – спросил я, отдышавшись после километрового забега.

– Что именно?

– На фига с ноги бил? Я б ножом разок рубанул и...

– И любой охранник тут же сообразил бы, что это сталкер в Зону проник. И если б оплавленные края проволоки рассмотрел, то мог и догадаться, кто это вернулся в Зону с ножом, умеющим резать стальную проволоку словно паутину. А так вполне можно предположить, что это вернулся в Зону один из громадных недобитых мутантов, недавно прорвавших кордон.

– Логично, – признал я.

Деревеньку, на краю которой мы оказались, я знал довольно неплохо. Бывал здесь, приходилось. Можно сказать, путь свой сталкерский с нее начал, приняв драгоценный подарок умирающего Странника... вместе с его смертельно опасной миссией в придачу. И даже разок типа сам с собой тут встретился, м-да...

На старых картах Генштаба это селение, изрядно разрушенное временем и взрывами, обозначалось как Андреевка. Печальное зрелище.

Некоторые дома обветшали сами собой и вросли в землю до слепых окон с разбитыми осколками стекол в рамах. Другие разметали то ли гранаты, то ли снаряды, оставив на месте человеческих жилищ лишь посеченные осколками кирпичные печи. Причем бревенчатые стены уцелевших домов словно ходами жуков-древоточцев были сплошь изъедены пулевыми отверстиями. И свежими, и не очень. Здесь воевали часто и увлеченно. Без этого никак. Можно сказать, что Андреевка – это ворота в Зону, которые каждый военный, как и каждый член многочисленных местных группировок, считает своими.

Но сейчас в деревне было тихо. Как в склепе. Будто поумирали все разом в Зоне. Даже воробьи не слышно, даже ветер не пытался расшевелить чудом сохранившийся ржавый флюгер на гнилой, местами проваленной крыше соседней избы. Затишье. Которое, как гласит народная примета, обычно случается перед бурей...

Однако настораживаться, анализировать и призадумываться времени у нас не было. Потому что когда нет нормального оружия, всё это без толку. Или пристрелят, или сожрут без него, третьего не дано. Исходя из чего, действовать надо было быстро.

– Ну, я пошел, – сказал я. И, на всякий случай короткими перебежками от одной избы к другой, рванул через деревню. В том деле, что я наметил, Японец мне был не нужен. Тот, к кому я шел, незнакомых гостей к себе в берлогу не пустит ни под каким видом.

...Берлога та находилась за околицей деревни, между лесом и вонючим болотом. По другому и не скажешь, берлога и есть, запрятанная в недрах искусственного холма, скрывающего контору одного из самых предприимчивых и хитрых торговцев Зоны, которого все звали Петровичем. В глаза. А меж собой кроме как Жмотпетровичем этого барыгу почти никто иначе не называл. Заслуженно. Такого расчетливого скупердя нужно было еще поискать. Хотя когда Жмотпетрович чувствовал хорошую перспективу, мог и в кредит обслужить. И еще не было случая, чтобы кто-то ему в Зоне долг не вернул. Уважали его в этих местах даже самые последние мародеры. Причем не как человека, а скорее как легенду Зоны. Некий символ ее что ли, типа трубы Саркофага, без которой и Зона не Зона, а так, не пойми чего.

Холм, в котором окопался Жмотпетрович, со стороны смахивал на летающую тарелку, приземлившуюся здесь в незапамятные времена и успевшую густо обрасти мохом, травой и сорняками. Обычный человек прошел бы мимо, в пяти шагах ничего особенного не заподозрив: холм и холм, на который помимо всего прочего ветры Зоны нанесли всякой дряни – опавших листьев, сухих веточек, а также мелкого мусора, выметенного с улиц недалекой заброшенной деревни. Даже неполный скелет мутировавшей собаки валялся на склоне, недобро скалясь всё еще зубастыми челюстями.

Опытный же сталкер, немало повидавший на своем веку, отметил бы правильную геометрию этой странной возвышенности, ее тактически грамотное расположение, позволяющее контролировать территорию как минимум в радиусе двухсот метров, отсутствие посторонних предметов в границах этой территории, за которыми можно было бы укрыться, а также утоптанную тропинку, ведущую к холму и пропадающую точно возле его подножия. Где сейчас и

стоял я, пристально изучаемый видеокамерой, вмонтированной над стальной дверью, искусно выкрашенной в маскировочный зелено-желтый цвет.

Фиг знает от кого Жмотпетрович так конкретно шифровался, но его холм был укреплен и замаскирован профессионально. И с безопасностью тут всё было в полном порядке. Чуть что не так – и из длинных амбразур, опоясывающих холм по периметру, немедленно примутся молотить пулеметы. Один из которых сейчас, например, весьма недвусмысленно был нацелен мне в лицо.

Но, видать, моя физиономия охранников устроила, так как после минутного изучения меня наконец зажужжали сервомоторы, и тяжелая стальная дверь отъехала в сторону, открывая вход в недра «холма».

Всё это было уже в моей биографии. Узкий коридор со ступеньками, ведущими вниз. Электрические кабели вдоль стен, выкрашенных в защитный зеленый цвет. Вмонтированные в потолок стеклянные плафоны, горящие мертвым, белым светом. И вторая бронированная дверь, неохотно отворившаяся при моем приближении, за которой открылась до боли знакомая картина – маленький «предбанник», в котором еле-еле мог разместиться один человек – и решетка от пола до потолка, отгораживающая тот «предбанник» от подземного склада с оружием, боеприпасами и снарягой.

За решеткой сидел хозяин всего этого богатства – седовласый крупный мужик, со времени нашей последней встречи явно прибавивший в весе. Вернее, сидел он не только за решеткой, но еще и за столом, на котором стояли древний как сама Зона радиоприемник, антикварная настольная лампа времен Второй мировой войны, и современный ноутбук с изображением огрызка яблока на крышке.

Ничего не поменялось за то время, когда я был тут в последний раз. Совсем ничего. Зона меняется, мир меняется... Но порой кажется мне, что даже если всю планету накроет гигантский выброс, и всё живое на ней передохнет, то единственный, кто выживет и по-прежнему будет сидеть в своем бункере, – это барыга Жмотпетрович, который и на полностью вымершей планете найдет способ как-то нажиться, повернув безвыходную ситуацию в выгодном для себя свете.

– Ну здравствуй, Петрович, – сказал я.

– Здорово, Снайпер, – невозмутимо произнес торговец, словно расстались мы с ним несколько часов назад. – Вернулся?

Блин, одни и те же слова... А может он не живой вовсе? Сидит себе за решеткой биоробот, запрограммированный кем-то на выкачивание наличности из нашего брата-сталкера... Всё может быть, на то она и Зона.

– Типа того, – сказал я. Традиция есть традиция. Одни и те же вопросы, одни и те же ответы, словно в старой компьютерной игре, которую проходишь снова и снова. И которая этим похожа на Зону. Вроде и надоела она уже, и знаешь что сейчас будет – а все равно тянет играть в нее снова и снова... Например, я даже знаю, что сейчас спросит Жмотпетрович после стандартного обмена любезностями.

– Хабар принес? – заученно поинтересовался торговец. – Или так, в гости по старой памяти?

И тут я традицию нарушил. Ответил не так, как раньше.

– Не первое, и не второе, – покачал я головой. – Нету у меня сегодня хабара, Петрович. И денег нет. Пустой я, как консервная банка со свалки.

Несколько секунд барыга смотрел на меня, переваривая услышанное. После чего широко зевнул, демонстрируя полное отсутствие интереса к моей персоне. Позади Петровича хором хмыкнули двое его неизменных охранников, вооруженных новехонькими «калашами» и обряженных в тяжелые армейские бронекостюмы.

– Ну и чего ты тогда сюда приперся? – спросил Петрович тоном, каким обычно посылают собеседника по известному адресу.

– Снаряга нужна, – сказал я. – И оружие.

– Ты что, пьяный? – приподнял брови барыга. – Вали отсюда с глаз долой.

– Мне очень нужно, – с нажимом сказал я. – Ты ж меня знаешь, я в долгу не останусь. Верну все деньги за товар, причем с процентами.

– Ты не врубаешься? – раздраженно произнес Петрович. – Мне нужен товар, а не обещания. Или деньги. Впрочем...

Торговец задумчиво почесал второй подбородок, расположенный над третьим.

– Впрочем, есть вариант. Выполнишь для меня пару заданий – и считай заработал себе на усиленную куртку и не новый ПМ. Нормальная сделка. Что скажешь?

Я покачал головой.

– Нету у меня времени на твои задания.

Торговец хмыкнул.

– Ну тогда иди отсюда, сталкер, не мозоль глаза. Если, конечно, не надумал обменять свою «Бритву». За нее я дам тебе...

– Тьфу на тебя, Петрович, – в сердцах сплюнул я. – Сколько я тебе денег переплатил в свое время, а ты в кои-то веки помочь не можешь?

– Я торговлей занимаюсь, а не благотворительностью, – отрезал торгаш, брезгливо проводя рукой по шее. – Харкаться, слюнями брызгать и возмущаться в ближайшей аномалии будешь, понял? Вали отсюда по-хорошему, сталкер, пока мои ребята тебя... блин... да что это такое?

Глаза торговца помутнели. Он поднял было руки, чтобы их протереть, но у него ничего не вышло. Наполовину поднялись они – и бессильно рухнули на стол.

– Снайпер... сволочь... – прохрипел Жмотпетрович. – Валите его, парни...

Он еще только проговаривал всё это стремительно немеющими губами, когда мои руки скользнули в карманы моей поношенной куртки – и выскользнули обратно с зажатыми в пальцах невзрачными серыми шариками.

Которые я с силой бросил себе под ноги.

Два мощных хлопка слились в один – и меня мгновенно окутал густой туман, в котором утонуло небольшое помещение «предбанника», включая стальную решетку, находящуюся от меня в одном шаге.

Впрочем, мне и не надо было ее видеть для того, чтобы, выхватив из ножен «Бритву», резко присесть – и рубануть понизу ножом, умеющим одинаково свободно рассекать и сталь, и пространство между мирами.

То, что я присел, не было излишней предосторожностью. В тумане слабо замигали вспышки, и две очереди резанули по тому месту, где я только что стоял. Мерзко завизжали пули, рикошетом отскакивающие от бетонных стен. Ну и дебилы охранники у Петровича! Самим-то им по фиг рикошеты, армейский броник от них защитит запросто. А вот работодателя, не защищенного ничем кроме имиджа легенды Зоны, могут зацепить как не фиг делать. Я уж не говорю о себе – себя мне всяко жалче, чем всех барыг Зоны вместе взятых.

Поэтому я не теряя времени четырьмя размашистыми движениями вырезал из решетки большой кусок, вполне достаточный для того, чтобы я мог пролезть на склад торговца. Что я и сделал, быстро, но аккуратно вынув кусок решетки и тихо положив его на пол. Конечно, просто швырнуть было бы быстрее, но я не хотел, чтобы автоматчики среагировали на звук и принялись стрелять туда, откуда он донесся. Оправданный риск в подобной ситуации, ибо рикошет бьет всяко слабее пули, выпущенной прицельно по твоей тушке с короткого расстояния.

Я катнулся вперед, потом еще раз – и выкатился из тумана прямо под ноги стрелков, которые сейчас как раз меняли пустые магазины на полные. Ториноко – дымовые шашки синоби,

которыми меня снабдил Виктор – дают облако густого тумана, заполняющего очень незначительную площадь, достаточную лишь для того, чтобы скрыть в нем одного человека. Но мне этого оказалось вполне достаточно. И теперь надо было действовать. С ножом против двух бронированных противников, которым оставалось сделать три движения – присоединить магазин, дослать патрон в патронник и нажать на спусковой крючок...

Для рук, привычных к такой работе – секунда, не более. Однако я не дал им этой секунды...

Один размашистый удар – и в руках охранника оказался автомат, разрубленный надвое. А следующий я наносить не стал, просто приставив клинок к горлу второго бойца. И быстро произнес:

– Я не хочу вас убивать. Не вынуждайте.

Автоматчик скользнул взглядом по оружию товарища, из обрезков которого на пол неторопливо высыпались мелкие стальные кусочки, и расслабил руки. Его совершенно целый АК с присоединенным магазином грохнулся на пол.

– Не так много платит мне Жмотпетрович, чтоб ради него подыхать, – пробасил охранник. – Кстати, ты его грохнул?

– Нет, – качнул я головой, не торопясь отводить нож от его горла. – Плюнул. Иглой, отравленной разбавленным ядом одной японской жабы. Целый час учился, прикинь? Искусство фукуми-бари называется. Так что ничего страшного с вашим жмотом не случится. Скоро очухается.

– Ну ты ж понимаешь, что с тобой теперь будет?

– Ага, – сказал я. – Понимаю. Я затарюсь снарягой и оружием, а перед этим вы скуете друг друга вон теми наручниками. Петрович очнется – освободит. Как тебе такой вариант?

– Да по фиг, как скажешь. Банкуй, твоя карта, – пожал плечами боец. – Только ж теперь за тобой вся Зона гоняться будет. Петрович такого не простит.

– Мне не привыкать, – усмехнулся я. И после того, как охранники защелкнули браслеты на запястьях друг друга, нажал на одну из кнопок, вмонтированных прямо в стол Жмотпетровича. Ту, над которой имелась надпись «Вход в бункер». А потом и вторую, обозначенную как «Вторая дверь». Там еще много кнопок было. «Подача газа». «Вытяжка газа». «Пулемет № 1» – и далее «2», «3», «4». «Потайной выход». «Вызов «Борга». «Вызов «Воли». «Вызов бандитов»... Целый пульт.

Вот уж не думал, что Жмотпетрович обладает таким влиянием в Зоне, что одним нажатием кнопки может выдернуть себе на подмогу штурмовую группу из любой группировки. Впрочем, с учетом того, что каждая из этих группировок назначила за мою голову неслабую цену, мне еще один враг в лице влиятельного торговца все равно что для опытного сталкера слабокислотный дождь. Неприятно конечно, но в целом на фоне остальных прелестей Зоны – по барабану.

По ступенькам вниз спустился Японец. Окинул взглядом окружающую обстановку, и одобрительно кивнул.

– Неплохо для гайдзина⁶.

– Ну да, я гайдзин, а ты прям чистокровный японец, родившийся в кратере Фудзиямы, – фыркнул я. – Пошли лучше экипировкой займемся, пока Петрович не проснулся. А то забрызгает нас слюнями ярости, хрен потом отмоешься.

– Или подмогу вызовет, – заметил Савельев, становясь на колено и ножом-танто перерезая пучок проводов, уходящий из-под стола в стену бункера.

⁶ Гайдзин (яп.) – «иностранец». Без дополнения «коку» («страна») слово приобретает презрительный смысл «чужак», «неяпонец». Применяется в основном к европейцам, в отличие от более близких к японцам по менталитету китайцев или корейцев.

– Или так, – буркнул я, мысленно поставив себе жирный «минус». Вроде недолго шатался я по Москве, да и жарковато было там порой. А всё ж цивилизация с ее навороченными гаджетами, роскошными ресторанами и дорогими автомобилями расслабляет. Думаю, до своей поездки в столицу России я б такого косяка не допустил. Вывод? Держи ухо востро, сталкер, и резче вспоминай, чему тебя Зона учила. А то ж тем, у кого память короткая, она ее еще больше укорачивает. Примерно на длину одной бестолковой головы, за которой давно уже охотятся любители легкой наживы.

С тех пор, как я был в бункере Жмотпетровича последний раз, тут ровным счетом ничего не изменилось. Подземелье по-прежнему напоминало продуктовый склад, совмещенный с армейской оружейкой. Вдоль стен громоздились ящики с надписями на разных языках, обозначающих одно и то же – «Тушеное мясо», «Гранаты Ф-1, 20 штук», «Сухой паек», «Патроны. Калибр 7,62»... На них лежали стопки нераспакованных камуфляжных костюмов, усиленных бронепластинами, какие-то баллоны, картонные коробки...

А еще здесь было оружие. Гранаты, винтовки, армейские ножи в чехлах и без. И автоматы. На любой вкус. Какие-то явно бывшие в употреблении, со сбитым воронением и пятнами ржавчины. Другие новые, блестящие от заводской смазки...

Они-то нас и заинтересовали больше всего. Я, не долго думая, выбрал себе «нулевой» АКМ в консервационной смазке, думаю, пролежавший здесь не одно десятилетие, дожидаясь меня. Японец же отдал предпочтение компактному «Вихрю» – машинке без сомнения достойной, но, на мой взгляд, лишенной такого неоспоримого достоинства, как доступность боеприпасов. Ибо найти в Зоне спецпатроны СП-5 и СП-6 зачастую задача неразрешимая. В отличие от «акаэшной» «семеры», которую таскает с собой по зараженной земле каждый второй бродяга, даже «калаша» не имеющий. Потому как патроны калибра 7,62 это не только боеприпас, но и очень популярный товар, чуть ли не аналог разменной монеты.

Само собой, шмот я тоже сменил, от носков и труселей до «горки», комплектуемой дополнительным анатомическим нейлоновым чехлом под относительно легкие керамические бронепластины, ко всему прочему снабженным кучей кармашков, подсулков и креплений. Плюс удобный рюкзак в комплекте из той же ткани того же цвета. Короче, продуманная помесь броники и модульной транспортно-боевой системы, мечта любого сталкера, имеющего достаточно наличных для того, чтобы позволить себе эдакую роскошь. Конечно, полноценный бронекостюм надежней легкой экипировки, но я всегда предпочитал мобильность и скорость передвижения тяжелым доспехам, превращающим тебя в некое подобие ходячей крепости.

Виктор свой мешковатый костюм цвета утреннего тумана менять ни на что не стал. Оно и понятно – в его хламиде всяких потайных карманов, пожалуй, побольше будет, чем в моей модульной системе. Я особо не приглядывался, что он там себе за пазуху сует, но мельком заметил, что Савельев прихватил пару гранат и неслабое количество укупорок с дефицитными патронами. Понятно. Не мечом единым силен нынче ниндзя в Зоне, когда, отбросив средневековые понты, вооружается по-человечески. И это правильно, ибо пуля летит всяко дальше сюррикена и отравленной стрелки.

Само собой, я тоже приобщился к гранатно-патронному пайку, и жратвы с водой набрал, чтоб дня на три хватило. И уже когда рассовывал по подсумкам последние магазины, а по карманам – высококалорийные батончики, услышал позади требовательное «Мрррям!».

Мы с Японцем синхронно обернулись на звук, у Савельева немедленно меч в руках обозначился. Но прежде, чем он им воспользовался, я успел дернуть его за рукав и сказать:

– Стоп! Это мое.

Совершенно бесшумно спустившееся по ступенькам вниз «мое» стояло и требовательно смотрело на меня, нервно подергивая ушами с кисточками. Понятно. Даже имея длинные когти и устрашающего вида зубы вскрывать ими консервы все равно неудобно.

– Что, крыс в Предзоне мало оказалось? – проворчал я, открывая килограммовую банку тушенки и вываливая на пол ее содержимое. Немедленно в моей голове нарисовался образ – две здоровенные крысы величиной с кошку каждая, белка с зеленоватой шерстью и хомяк-мутант с шестью лапами. Потом я «увидел» следующий «кадр»: кучу костей, обрывков шкурок, мотки кишок – и лужу блевотины рядом. Натурально так «увидел», аж самого затошнило.

Понятно. Отравленная радиацией и аномальным излучением фауна Предзона прихлясла Лютому не по вкусу. Всё что поймал и заточил – тут же вытошнило, после чего моему коту срочно понадобился хозяин.

– Зачем оно тебе? – приподнял брови Виктор, что в его случае выражало крайнюю степень удивления. – Это ж мутант. От них одни проблемы.

– Знаю, – вздохнул я. – Но это мой мутант. И проблемы, получается, тоже мои.

– Лучше б канарейку завел, – проворчал Савельев. – Или лысого чернобыльского ежа. Удобно. Положил в карман – и забыл про него. Ты ж глянь, сколько он жрет? Почти целое кило тушенки за минуту счавкал.

– Это он с непривычки траванулся, – без особой уверенности сказал я. – Вот пооботрется в Зоне, и будет хавать всё, что шевелится.

– А если не будет, то придется тебе второй рюкзак с тушенкой на себе тащить, – сказал Виктор.

– Он уникальный зверь... – попытался я было «впрячься» за Лютого.

– Не спорю, – пожал плечами Савельев. – Лично я в первый раз вижу рыжего ушастого леопарда, владеющего искусством харагэй⁷. Но по мне так в Зоне тушенка гораздо нужнее таскающегося за тобой мутанта, который помимо того, что жрет как крокодил, еще и ментально канифолил тебе мозги своими проблемами.

Лютый поднял голову от недоеденной кучи жратвы, показал Виктору клыки и вибрирующе-грозно зарычал. На что Савельев задумчиво посмотрел на мутанта. Пару секунд они стояли замерев на месте, словно статуи, глядя друг другу в глаза, после чего Лютый, еще раз рыкнув для порядку, опустил голову и вновь принялся за еду.

– Поговорили? – осведомился я.

– Типа того, – слегка озадаченно произнес Японец. – Он... твой друг? Серьезно?

– Да, – сказал я. – Самый настоящий. Который мне жизнь спас. Как и ты в свое время. А у любого нормального сталкера сам знаешь какой закон – друг это всё. Сам сдохни, а кореша выручи. Так что...

– Можешь не продолжать, больше вопросов не имею, – произнес Виктор. И на полном серьезе сказал, еще раз внимательно посмотрев на Лютого: – Не обессудь, братан, непонятка вышла.

Лютый, не отрываясь от еды, вяло махнул хвостом – мол, ладно, чего уж тут, проехали.

* * *

Мы вышли из бункера Жмотпетровича, и окунулись в украинскую ночь. Которая совершенно не очаровательна, как некогда описывал ее классик. Со стороны болота тухлятиной воняет, с другой стороны – гниющей мертвечиной. Все небо усыпано звездами, словно стена старого тира отметинами от пуль. Столько их просто не бывает на нормальном небосводе. И никто не знает, что это там такое наверху просвечивает сквозь тучи, заливая зараженную землю призрачно-потусторонним светом.

Зато по ночам в Зоне всё видно. Почти. Например, избы Андреевки вполне можно разглядеть без прибора ночного видения. И то, что между ними никого нет – тоже. Ни вояк с

⁷ Харагэй (яп.) – здесь: «искусство души», общение без слов.

кордона, желающих прогнуться перед уважаемым торговцем, ни сталкеров, которые никогда не прочь подзаработать. Вот и ладушки, вот и хорошо.

– Ну чего, пошли что ли, – сказал я, поправляя тяжелый рюкзак.

– Далеко? – осведомился Виктор.

– Да порядком, – буркнул я, прикидывая расстояние до портала, некогда прорезанного мной неподалеку от сталкерского пансионата.

Можно было, конечно, попробовать прорезать «Бритвой» новый портал, но во-первых, опасался я, что он так же не закроется потом, добавив обитателям Зоны новых проблем. А во-вторых, изменилась моя «Бритва» после контакта с чуждым артефактом. Клинок почернел, будто его долго держали над костром, и порой по его поверхности пробегали тонкие золотые молнии. Ничего общего со свечением цвета чистого неба, который ранее излучал мой нож. Так что сейчас я реально побаивался рубить им пространство – хрен его знает, какими будут последствия такого эксперимента.

Поэтому получалось, что переться нам придется считать через всю Зону. Что ж, мне не привыкать. А Виктору – так вообще по фигу. Он как в Японии натренировался на биологическую машину для убийства, так и остался эдаким тощим Терминатором, способным совершать невозможное.

Только, несмотря на нашу офигенную крутость, все равно ночью как-то не очень улыбалось начинать столь длинный путь. Возле кордона обычно аномалий не так много водится, но я хорошо помнил перекасти-поле, которое неподалеку от Андреевки на моих глазах убило Майора.

Но делать было нечего. Если Жмотпетрович еще не пришел в себя, то скоро придет, и тогда на КПК всех сталкеров Зоны появится одно очень хорошо оплачиваемое задание. То есть, даже те одиночки, кто был со мной в нормальных отношениях, не поймут моего поступка. И присоединятся к тем, кто уже довольно давно ищет меня, дабы заполучить астрономическое вознаграждение, объявленное за мою голову двумя самыми влиятельными группировками Зоны... Хотя нет, тремя. Слышал я, вроде фанатики тоже пообещали кучу денег тому, кто притащит им сталкера, уничтожившего Монумент. Даже интересно, сможет Жмотпетрович переплюнуть суммой вознаграждения «боргов», «вольных» и «монументовцев»? Или аукцион устроит? С него станется...

Обо всем этом я размышлял, неспешно шагая через деревню. Виктор шел рядом, повесив вдоль тела расслабленные руки. Кому-то это могло показаться странным, но не мне – я прекрасно знал, что эти руки могут в любую секунду взорваться вихрем движений, каждое из которых несло неминуемую смерть.

Лютый неслышно шел позади нас, как мудрый, дисциплинированный кот, понимающий, что сильный и всемогущий хозяин всяко лучше справится с любой проблемой без риска потерять хвост и красивые кисточки на ушах – хотя бы потому, что у него их нет. Хитрый у меня кореш вырос. Хотя я прекрасно знал, что случись чего, Лютый вцепится за меня хоть в голову. Но Зона его пока что пугала, поэтому мутант временно признал мое превосходство, предоставив мне право идти первым. Надеюсь что временно, а то как бы и вправду не пришлось нянчиться с каракалом-переростком, сжирающим за один присест кило тушенки.

Нам оставалось пройти совсем немного. Метров тридцать – и вот она, знакомая околица, за которой раскинулась хоженная-перехоженная Зона, где я скоро каждый куст знать буду как свои пять пальцев. И чуйка моя молчала, и Виктор шел спокойно, у которого нюх на опасность покруче моего будет, и Лютый не проявлял ни малейшего беспокойства. Как говорится, ничего не предвещало, как вдруг из-за крайней избы навстречу нам шагнула тень. С чем-то огнестрельным наперевес – в темноте не разберешь, лишь лунный свет блеснул на штыке, прикнутом к оружию.

– Ти... – слегка удивленно выдохнул Японец, в один голос с моим душевным «Твою мать!». Лютый тоже что-то возмущенно вякнул от неожиданности, но тут же заткнулся, встав как вкопанный. Это он правильно. Когда тебя держат на мушке, лучше не рыпаться. Матернуться, как мы с Савельевым – можно, но тоже дозированно. Кто его знает, может стрелок сквернословие не любит, и от той нелюбви случайно на спуск нажмет.

– Гуляем, значит, – сказал хозяин огнестрела. И я, узнав голос говорившего, облегченно вздохнул.

– Ага, моцион у нас. А ты, лесник, на будущее не пугал бы людей почем зря. И винтовку-то свою опусти, нехорошо в друзей целиться.

– Не друг ты мне, Снайпер, – покачал головой лесник, выходя из падающей от избы глубоккой тени под мертвенно-бледный свет луны, и при этом продолжая держать меня на прицеле. – Говорил я уже, и еще раз повторю: от тебя одно безобразие в Зоне. Группировки как с ума посходили, все разговоры только о том, сколько нынче голова Снайпера стоит. Фанатики так вообще рехнулись на этой теме, когда ты их Монумент на кусочки расколол. Из-за этого тут недавно целая война была насчет того, чьим портал будет, который ты в другой мир открыл.

– А при чем тут портал? – поинтересовался я.

– При том. «Монументовцы» решили, что в соседней Зоне обязательно должен быть аналог их святыни, которую ты расколол. И теперь периодически отправляют туда поисковые группы. Которые назад не возвращаются. Только на то они и фанатики, чтобы не терять надежды найти свой фетиш. Но это их дело. Пусть хоть все там сгинут, главное чтобы не бузили. И вот, только-только всё поутихло, как ты снова вернулся – и уже успел Петровича ограбить. Вот я и думаю, может, пристрелить тебя все-таки? Всем спокойнее будет, и тебе в том числе.

– А это кто? – спокойно поинтересовался Виктор, повернув голову в мою сторону. – Смотрящий по Зоне что ли?

– Ты пошути, пошути, молодь зеленая, – проворчал лесник. – Хотя, надо признать, есть в твоей шутке доля правды. Надо ж кому-то здесь за порядком присматривать. Так пусть лучше это я буду, чем кто-то другой.

– Не кипятись, старина, – сказал я, стараясь говорить спокойно и рассудительно. Ибо знал – второго такого стрелка в Зоне еще поискать надо, и с расстояния в десять метров лесник уж точно не промахнется. – Сам понимаешь, не от хорошей жизни я делал то, что ты озвучил. На всё причины есть. Кстати, а как ты так быстро про Петровича узнал?

– Хреновый я был бы смотрящий, если б не знал всё, что в Зоне творится, – хмуро проговорил лесник. – Потому до сих пор ты еще и жив, что в курсе я, зачем ты обратно сюда притащился. Значит, хочешь Монумент восстановить и друзьям помочь. Цель хорошая, согласен. Да только боюсь, что пока ты до портала дойдешь со своим другом, который по уровню геморроя тебе под стать, вся Зона раз пять на уши встанет. Поэтому давай так договоримся. Я тебе сейчас помогу с транспортом, только сделай всё по-возможности тихо-мирно. Чтоб не пришлось мне тебя потом искать, чтоб зачистить как чужеродный элемент, вредящий экологии Зоны.

– А у нее экология есть? – удивленно приподнял брови Японец. – До сих пор я думал, что тут, за кордоном, не экология, а просто лютый писец, обнесенный забором...

– Виктор, помолчи пожалуйста, – сказал я. И добавил, уже обращаясь к леснику: – Чисто из уважения к тебе – обещаю. По возможности.

– Помни об этом, – произнес лесник, закидывая за плечо свою «мосинку». – А забудешь – придется мне напомнить тебе о данном слове.

Закончив свою слегка патетическую речь, лесник достал из висящего на поясе тройного контейнера артефакт, смахивающий одновременно на подводную мину и на свернувшегося в клубок ежа-мутанта с затупленными колючками. На мину – характерными отростками, похожими на контактные датчики цели, а на ежа тем, что артефакт напоминал учащенно дышащего

рассерженного зверька, которого, впрочем, лесник держал на ладони абсолютно спокойно. От маленького «ежа» исходил призрачный золотистый свет, почему-то вызвавший у меня мысленные ассоциации с картиной маленького, портативного такого ядерного взрыва, удобно устроившегося на широкой ладони лесника.

– Надо же, старый знакомый, – усмехнулся я. – Ты никак «проводником» решил мне на всякий случай память прочистить, чтоб данное слово не забыл?

– Дырявое решето чистить без толку, его чинить надо. А лучше на помойку выкинуть, чтоб в доме место не занимало, – невозмутимо парировал лесник, и я прикусил язык – по ходу, этого мощного старика подкалывать себе дороже.

– У «проводника» помимо свойства прокладывать путь меж аномалиями, да в памяти человеческой необходимые воспоминания отыскивать, еще одна способность есть, – между тем продолжал лесник. – Он умеет в пространстве «кротовые норы» высверливать. Правда, я редко этим его свойством пользуюсь – уж больно долго он после этого заряжается. Проще нужную «кротовину» самому найти. Но сейчас не тот случай. Нету «нор» поблизости, поэтому придется сверлить.

С этими словами лесник резко крутанул артефакт в руке, словно большую гайку с резьбы сворачивал. И убрал руку.

Вышло красиво... Получив ускорение, «проводник» завис в воздухе в полтора метра над землей, при этом став крутиться вокруг своей оси, набирая скорость. Миг – и уже не видно артефакта. Лишь бешено вращается в воздухе, рассыпая золотые искры, маленькое солнце, медленно, но уверенно увеличиваясь в размерах.

– Как я «проводника» из «кротовины» выдерну, так сразу в нее ныряйте, – сказал лесник, натягивая на руки извлеченные из кармана толстые краги сварщика. – Это вам не стационарная аномалия, схлопнется секунд через десять. Только главное хорошо представьте себе, куда перейти хотите.

– Принято, – кивнул я, подхватывая с земли Лютого, остолбеневшего от невиданного зрелища.

– Ну зашибись, – сказал Японец. – А мне-то чего представлять?

– Ничего не представляй, – ответил я. – В том месте, куда нам надо, ты однажды уже был неподалеку. Но чем объяснять, лучше за мой пояс держись. Думаю, «кротовина» таким макаром нас всех туда и выкинет.

– Думаешь? – насторожился Савельев.

– Да не переживай, я так сто раз делал, – отмахнулся я.

– И почему после этой фразы я стал переживать еще больше? – вздохнул Японец.

Тем временем бешено вращающийся золотой диск принял размеры «камазовского» колеса.

– Всё, больше не будет, – сказал лесник, вставая в стойку вратаря, готовящегося отловить сложный мяч. – Готовы?

– А то, – сказал я за всех, ощущая всем телом, как от страха трясется Лютый. Бойтся, но с рук не спрыгивает. Стало быть, уверен в хозяине.

– Тогда погнали! – рыкнул лесник, запуская руки в центр вращающегося диска.

В воздухе немедленно завоняло паленой кожей. Перчатки лесника горели от соприкосновения с созданной им же аномалией, но он успел выдернуть из ее центра «проводник». Артефакт рассерженно шевелил всеми своими огненными «конечностями», втрое увеличившимися в размерах, отчего сейчас напоминал небольшого осьминога, раскаленного добела.

– Быстрее!!! – заорал лесник – видимо, артефакт изрядно жегся даже через перчатки, но бросать его на землю старик почему-то не хотел.

Ну, я и прыгнул. Разбежался в три шага – и нырнул «рыбкой» в огненный водоворот, что твой цирковой тигр в подожженное кольцо. И в процессе прыжка почувствовал, как жесткая,

словно клещи, рука вцепилась в мой поясной ремень. Ну, будем надеяться, что он не порвется. Вроде советский десантный выбрал на складе Жмотпетровича, а в те годы их делали с изрядным запасом прочности – впрочем, как и всё, что выпускалось в СССР для армии.

И тут я почувствовал, как пламя начало пожирать мое тело. Будто в озеро горящего бензина сиганул. Плюс меня вдобавок начало крутить с бешеной скоростью, словно белье при отжиге в стиральной машинке. Пищевод, желудок и кишечник немедленно сбились в кучу, и эдаким слипшимся комком подкатились к горлу, настойчиво просясь наружу.

Я понял – еще мгновение, и я реально выблюю свою требуху... В глазах потемнело, жуткая боль пронзила всё тело, и от потери сознания меня удержала лишь одна мысль: нельзя разжимать руки! Ведь если я отключусь, то моему кошаку точно конец!

И тогда я, преодолевая бешеную силу вращения, отчаянным усилием мышц, стонущих от невыносимой боли, скрутился в эмбрион, прижимая к себе Лютого, которого по ходу настигло милосердное беспамятство: он был сейчас как большая шерстяная тряпка – безвольный, ослабленный, отключенный. Везет же...

Я бы обязательно заорал – когда орешь, боль переносить однозначно легче, вопли всегда отвлекают от любых проблем, – но опасался разинуть пасть. Тошнота тошнотой, но блевать желудком и кишками было жалко, как-то сроднился я с ними. Поэтому я лишь надрывно выль сквозь стиснутые зубы... и вдруг ощутил сильный удар спиной обо что-то твердое.

А потом сверху мне на ноги рухнуло мягкое. Ну, относительно мягкое, ибо Савельев был, сволочь, жилистый, словно бультерьер, и оттого тяжелый, как боксерский мешок, плотно набитый резиновой крошкой.

Правда, Японец немедленно скатился с моих конечностей, и я услышал:

– Твою мать... сто раз он это делал... охренеть...

– О, ты и по-русски оказывается... крыть умеешь... – сглотнув прилипший к гортани желудок, прохрипел я. – А я уж думал разучился...

Впрочем, долго разлеживаться на сырой траве Зоны небезопасно для здоровья – или радикулит подхватишь, или, что вероятнее, какой-нибудь жук-мутант за ляжку куснёт, и последствия того куса могут быть самые разнообразные.

Поэтому я, пошатываясь, поднялся на ноги – и увидел глаза. Пришедший в себя Лютый, неестественно вывернув шею, смотрел на меня очень красноречивым взглядом. И без ментальной передачи мыслеобразов было ясно, что мой котэ сейчас хотел сказать своему хозяину.

– Ну извиняюсь, – сказал я одновременно и Лютому, и Японцу. – Не знал. До этого через «кротовые норы» спокойно проходил, без душевытрясания. Но видать «кротовина» «кротовине» рознь. Если вам так будет легче, можете считать меня гнидой. Но, по ходу, лесник нас не обманул.

Прыгнули мы в аномалию глубокой ночью – а вынырнули на рассвете. Похоже, аномалия не умела проносить сквозь время, только через пространство, причем неторопливо. Это нам, получается, только показалось, что быстро всё прошло. Ан нет, вон над деревьями уже солнце выползает. Спасибо хоть на теле ожогов нет. Стало быть, это просто ощущение такое было, что меня поджаривают на интенсивном огне. Короче, в целом переход прошел без потерь, если не считать чувствительного удара хребтиной об землю. Но мне не привыкать. Главное – результат.

Мы стояли среди деревьев, меж которыми были видны проблески зеленоватого сияния. И я знал, что это такое. Ирреальный свет исходил от монолита – памятника, созданного самой Зоной. Там, за деревьями, на поляне навеки осталась стоять странная пушка, похожая на многоствольный пулемет Гатлинга, и человек, поднявший обе руки к небу в торжествующем, победном жесте.

Я прекрасно помнил, что и человек, и пушка с потрясающей детализацией были выполнены из зеленоватого металла, которого не встретишь на Большой земле. Казалось, что этот странный металл медленно течет, переливается, движется, но при этом сама композиция оста-

ется стоять на месте. Говорят, порой на зараженной земле встречаются подобные монолитные памятники – непонятные, жуткие, созданные самой Зоной, и только ей, потому, что человеку никогда не под силу будет сотворить подобное. Более того, я лично видел, как был создан этот жуткий памятник. И сам принял непосредственное участие в создании второго...

Метрах в тридцати от металлической композиции в метре над землей завис портал в иной мир. Огромная дыра в пространстве, которая, как я надеялся, была намертво забита горой спекшейся стали, некогда бывшей боевым роботом...

Оказалось, зря надеялся.

Останков биоробота больше не было. Похоже, какой-то придурок выковырял пробку из портала, по краям которого слабо потрескивал ореол из маленьких, беспокойных молний, похожих на чьи-то тонкие, светящиеся пальцы...

И который сейчас охраняла целая армия.

Похоже, «боргов», претендующих на единоличное владение воротами в иную вселенную, потеснили фанатики Монумента – самой известной аномалии Зоны. Как ее еще называют, Машины Желаний, которую я уничтожил, разбив на мелкие кусочки. У меня просто не было иного выхода. И теперь «монументовцы», похоже, нашли себе другой фетиш, который решили беречь как зеницу ока – портал между мирами, прорубленный мной... и почему-то не закрывшийся.

Метрах в тридцати от прохода в иномирье был разбит целый охраняемый лагерь. Колущая проволока по периметру.

Внутри периметра – палатки для смены караула.

Даже четыре невысокие пулеметные вышки имелись, сбитые из грубо отесанных свежих досок – лес под боком, стройматериала навалом.

Часть ограждения, повернутая к portalу, была укреплена: стальные двухметровые листы, наскоро прихваченные сваркой, образовывали стену метров в десять длиной. Над стеной – большая площадка с электрической пушкой-молниеметом и дополнительной парой крупнокалиберных пулеметов. Вполне достаточно, чтобы образумить самого отчаянного биоробота, решившего полюбопытствовать на тему, что там интересного в соседней Зоне творится, – а также долбануть электричеством и забрать в качестве трофея какого-нибудь экзотического мутанта. Скорее, разумно-человекообразного. И не для продажи – фанатики до таких мелочей не опускаются, их и так с Большой земли кто-то нехило финансирует. А вот для допроса – в самый раз. На предмет нахождения второго Монумента в соседней все-ленной.

– Странно, что они патрулей не выставили, – шепотом проговорил Японец. – А то б у нас уже могли быть проблемы.

– А кого им тут опасаться? – пожал плечами я, опуская Лютого на землю. – С пулеметами-то по периметру.

– В том-то и дело, – сказал Японец, прищуриваясь. – Видишь метки белой краской на земле? И на деревьях тоже. Они и не скрывают, что у них тут каждый сантиметр пристрелян. Короче, никак нам к portalу не подобраться, если...

Он замолчал на мгновение.

– Если что?

Японец не ответил.

Вместо этого он повел себя довольно странно. Развязал шнурок, фиксирующий у него за спиной один из мечей – тот, что подлиннее и побогаче с виду, с красивыми ножнами. Взял его в руки, подержал немного, слегка склонив голову при этом, после чего двумя пальцами нажал на скрытые кнопки по бокам навершия рукояти, украшенного тщательно выполненным рельефным рисунком.

Внутри рукояти меча что-то еле слышно щелкнуло, и отделившееся навершие оказалось в ладони Японца. После чего Виктор вытряхнул из него маленькую стеклянную пробирку с серой таблеткой внутри.

– Купив самурайский меч, или захватив его в качестве трофея, синоби всегда модернизировали его под свои нужды, – сказал Савельев. – В данном случае в рукояти спрятан мгновенно действующий яд. Но сейчас он нам без надобности.

С этими словами Виктор с усилием отвернул пробку на пробирке, вытряхнул таблетку на траву, после чего полоснул себя мечом по руке. Вроде едва коснулся, а кожу уже пересек довольно глубокий разрез.

Рана немедленно набухла кровью, которая через мгновение полилась на землю тонкой струйкой. Японец же, нимало не смущаясь этим фактом, подставил под нее пробирку, которая немедленно заполнилась до краев. Для такого крохотного сосуда и нескольких капель хватило бы, чтоб его наполнить.

Удостоверившись, что пробирка полна, Японец проделал всё в обратном порядке – прикрутил крышку на место, всунул пробирку в навершие, и, защелкнув его на рукояти, вернул меч в ножны. После чего протянул его мне.

– Носить можно на спине, – сказал он. – Или заткнув за пояс. Или на пояс привяжи, по-европейски. Не по канону, но наплевать, в бою надо чтоб удобно было. Главное не потеряй. Я с ним договорился, он будет служить тебе так же, как служил мне.

– Не понял, – сказал я, принимая меч. Ножны были теплыми – то ли от рук Японца, то ли по какой-то другой причине.

– Тут и понимать нечего, – невесело усмехнулся Виктор. – Не дойду я до Монумен-та. А ты – дойдешь. Вот и всё понимание. Просто мне очень надо своих спасти. А тебе придется не только своего друга с того света вытащить, но и меня тоже...

Я только разинул рот, чтобы сказать, мол, хорош тебе такую пургу гнать, вместе что-нибудь придумаем, и вместе дойдем...

Но Японца уже не было рядом со мной. Он темно-серой тенью мчался к лагерю фанатиков Монумен-та.

Естественно, его заметили.

Сначала замолотил пулемет с одной вышки, почти сразу к нему подключился второй. Но Японец бежал с немыслимой для человека скоростью, широкими зигзагами, бросаясь из стороны в сторону. Я видел, как пули вышибают из зараженной земли комья грязи, вырывают пучки травы... но пока что ни одна из них не коснулась Виктора.

Я очень быстро понял, что меня ждет, не больше пары секунд потребовалось на осознание. А еще понял, что дойти до цели смогу лишь я один. Если смогу конечно. И пока что мой хвостатый друг, не привыкший к суровым реалиям зараженных земель, ничем мне помочь не мог. А вот погибнуть зазря мог запросто.

– Жди меня в Зоне, – бросил я Лютому.

Того не пришлось долго упрашивать – понятливый каракал мигом скрылся в кустах. Я же бросился между деревьями, огибая поляну по широкому кругу. Пока Японец отвлекает внимание на себя, пока все взгляды противника направлены в противоположную сторону, мне нужно достигнуть портала. Ведь именно для этого Виктор сейчас рисковал жизнью...

Я слышал, как вдруг резко замолчал один пулемет, потом второй. Сюрикэны? Ядовитые стрелки? Может быть. Савельев большой мастер подобных трюков.

Потом я услышал крики.

Ярости – так вопят люди, когда ничего не могут сделать с противником, которого очень хотят убить.

И боли – так надрывно голоса те, кто видит собственную отрубленную конечность, либо фонтан своей крови, бьющий из рассеченной артерии.

Я прибавил ходу, перепрыгивая через узловатые корни деревьев, проламываясь через кусты... и понимая, что не успею. Что каким бы супербойцом не был Виктор, врагов слишком много...

И тогда я, выломившись из леса, рванул напрямки через поляну, мимо забора из колючей проволоки, понимая, что рискую быть замеченным и расстрелянным...

Но «монументовцы» были слишком заняты.

Они пытались убить человека.

И у них это получалось...

Пробегая мимо, я сквозь ряды колючей проволоки краем глаза увидел, как Японец рубится своим вторым мечом, стоя на одном колене, а из второго хлещет кровь. Возле Савельева валялись фанатики, человек семь-восемь, остальные же пытались достать Виктора ножами и штыками – видимо, хотели взять живым. Дохлый номер. Я слишком хорошо знал Японца – живым он не дастся врагу.

Видимо, это поняли и «монументовцы». За моей спиной грохнул одиночный выстрел, после чего над лагерем фанатиков повисла тишина. Всепоглощающая. Мертвая. Какая случается, когда всё кончено, и больше некого убивать. И я бежал в этой тишине, сжав зубы так, что ломило челюсти, стискивая со всей силы кулаки, давя в ладонях желание развернуться, снести к чертям этот забор ударом ноги по опорному столбу, как умел Виктор, когда был жив, а потом стрелять, резать, рвать фанатиков голыми руками, пока вновь над их лагерем не повиснет тишина...

Но нельзя. Не для этого Японец отдал жизнь, чтобы мой труп лег рядом с его мертвым телом. И я бежал, видя как стремительно приближается портал между мирами, некогда прорубленный мной...

Но все-таки меня увидели. Те, на вышках. Наверно самый бдительный, оторвав взгляд от немой сцены посреди лагеря, заметил движение в своем секторе и бросился к пулемету. Я спиной почувствовал, как он, матерясь, доворачивает тяжелую машину, ловя в прицел бегущего меня... Мерзкое ощущение, если честно, которое появляется лишь у тех, в кого много стреляли.

И кто после этого умудрился остаться в живых.

Мне и сейчас очень нужно было выжить. Прямо как никогда необходимо. Поэтому я очень постарался, прыгнув вправо – и очередь лишь распорол воздух в том месте, где я находился мгновение назад. А я уже снова бежал, понимая, что сейчас стрелок, уже не матерясь, а сосредоточенно закусив губу, делает поправку увода ствола после слишком длинной очереди – не думал, что промахнется. И сейчас наверняка веером пошлет, перечеркивая все мои возможные финты, прыжки и кувырки...

Но я не собирался больше уклоняться от пуль. Я просто использовал по максимуму те две секунды, пока пулеметчик примеривался, как бы половчее меня убить, рванув к порталу по прямой так, как наверняка не бегает кандидаты в олимпийские чемпионы, которым никто не целится в спину из пулемета.

Я уже слышал возмущенное потрескивание молний по краям огромной дыры между мирами... и понимал, что не успеваю, всё равно не успеваю добежать до нее, что палец пулеметчика уже выжимает слабину спускового крючка...

И тут я поскользнулся. Наступил на мягкое – и с размаху грохнулся вниз мордой, успев в полете увидеть то, на что наступил. Оно тоже летело по воздуху, вереща, размахивая лапками и с ненавистью глядя на меня огромными выжатыми глазами. Чернобыльский ёж. Лысый чернобыльский, мать его, ёж, испортивший своей подвернувшейся мне под ногу тушкой такой надрывно-трагический момент.

И тем самым спасший мне жизнь. Потому, что я, скорее всего, не догадался бы сам упасть со всего маху, пропахав мордой с полметра рыхлой почвы. Да и не получится так грохнуться

самому, как не старайся. Хороший стрелок по движению тела, по выброшенным вперед рукам сразу распознает финт и подкорректирует очередь. А так – естественно получилось, неожиданно и для меня, и для него. Потому пули просвистели над моим затылком, обдав его раскаленным воздухом – и я понял, что у меня есть еще несколько мгновений.

Которые и использовал на все сто!

Я до сих пор без понятия, как можно стартануть в рывок из положения лежа мордой вниз. Но пулемет – отличный мотиватор для раскрытия суперспособностей. Кстати, рекомендую этот способ на заметку тренерам, ломающим головы над тем, как вывести команду хронических лузеров в мировые чемпионы. На себе проверено. Уже, скрипя зубами, поливал портал очередями мой несостоявшийся убийца. «Проснулся» и второй пулеметчик, и до молниемета добрался стрелок-любитель посмотреть на чужую смерть. И долбили они в три ствола по порталу так, что весь его перечеркнули перекрестия молний и причудливые сполохи, которые наверно возникают, когда молния попадает в летящую пулю...

Но я уже был по ту сторону границы миров.

В знакомом месте, откуда ушел, казалось бы, не так уж и давно.

* * *

Это был большой зал с высокими потолками, прямоугольными дырами окон и трещинами, расползшимися по стенам... В дальней стене был пролом – вероятно, через него пролез тот био, который некогда заткнул собой портал, что завис в метре над полом и вершиной своей почти касался потолка. Вон на полу куски оплавленного металла валяются – всё, что осталось от биоробота, решившего наведаться из мира Кремля в чернобыльскую Зону.

А еще на полу лежали кости. Обглоданные, расколотые, разгрызенные. Понятно, откуда они взялись – когда я уходил отсюда в последний раз, в этом зале было слишком много беспомощных людей. И слишком много голодных нео...

Впрочем, не стоило долго задерживаться в этом месте. Фанатики Монумента на то и фанатики, что запросто могут отрядить погоню за человеком, сумевшим проскочить в охраняемый ими портал, который они наверняка считают своей собственностью. А может уже и святыней, с них станется. Соответственно, отловить осквернителя оной – самое что ни на есть важное и нужное дело для настоящих приверженцев качественно обоснованного культа.

Ну, я и рванул. Прямо через тот пролом в стене, подальше от возможной погони...

И тут же понял, что очень конкретно погорячился.

Перед Покровскими казармами находился довольно большой участок открытой местности. На котором сейчас раскинулся неплохо укрепленный лагерь.

Деревянные рогатки по периметру, острыми колющими обращенные в сторону вероятного противника.

Невысокие, грубо сколоченные вышки, на которых застыли лучники в пластинчатых доспехах.

Несколько сооружений странного вида, возвышающиеся над периметром – деревянные помосты, на которых были смонтированы некие подобию рельсовых установок...

А внутри всего этого оборонительного нагромождения стояли обычные палатки, похоже, сшитые из звериных шкур. Ну и, конечно, в самом центре лагеря – высокий красный шатер. По ходу, тоже из шкур, только крашенный. Для начальства.

Понятно. Лагерь шайнов. Кочевых мутантов-захватчиков, с которыми мне не раз доводилось сталкиваться в мире Кремля. Умные и хитрые выходцы с азиатских степей, которым давно хотелось прибрать к рукам Москву с ее стратегическими подземными складами, секретными лабораториями и огромной крепостью – Кремлем, под которым расположен целый промышленный город, способный долгие годы обеспечивать всем необходимым своих жителей.

Однако на пути орды шайнов встал энергетический купол, накрывший Москву по линии МКАД. Проклятие всего города – и одновременно его защита. Ни выйти за его пределы, ни войти снаружи. Хотя, конечно, пройти через него можно. Если знать как.

По ходу, те шайны, что разбили лагерь возле Покровских казарм, знали. И сейчас копили силы для удара по Кремлю. Видать, всей Орде пройти через Купол сразу не получилось. Прорасчивались по одному, или мелкими группами – и оседали в этом лагере. Ждать, когда подойдут остальные...

В прошлое свое посещение Зоны Кремля я убил вождя шайнов, а также довольно приличное количество его приспешников. Поэтому был уверен, что нежных чувств ко мне мутанты не испытывают. Да и вообще практически все муты – что в черномыльской Зоне, что в мире Кремля – очень уважают человечину, и шайны не были исключением. Поэтому в отношении них у меня уже успели выработаться очень четкие рефлексy.

Дело в том, что снаружи Покровских казарм с комфортом расположилась охрана. Двое огромных кешайнов-рептилоидов тащили службу, замерев возле пролома с автоматами на изготовку. А еще двое занимались завтраком. Один разводил костер, а второй замахнулся саблей, чтобы отрубить голову кому-то, лежащему у его ног.

Такую вот замечательную картину я схватил взглядом, выпрыгнув из пролома.

У них было превосходство в численности. А за мной была неожиданность. Я уже успел заметить ранее – кешайны очень сильные воины, но только немного тормознутые. Маленько промахнулся в расчетах тот яйцеголовый, что скрещивал гены человека и рептилии, дабы получить в итоге такие вот человекоподобные боевые машины с чешуйчатой броней, покрывающей всё тело. Ему бы шустрости добавить ящеркиной в эти шкафы, и тогда б мне ловить было нечего. А так я немного быстрее среагировал, чем те двое у прохода.

За автоматом тянуться было долго. «Бритвой» обоих не завалить, далековато они друг от друга стояли. Пока б одного резал, второй бы меня точно расстрелял. Поэтому пришлось отработать непривычным оружием Виктора.

Выдернув из ножен его меч, я ткнул того кешайна, что слева стоял, прямо в чешуйчатое рыло – и даже успел слегка удивиться. Клинок легко, без малейшего сопротивления прошел сквозь морду мутанта, прямо между глаз, перечеркнутых вертикальным зрачком, и вышел из затылка.

В желтых глазах рептилоида проскользнуло понимание происходящего, что-то похожее на человеческое удивление. Проскользнуло – и погасло, вместе со взглядом. Мертвым никакое понимание больше не нужно. Им вообще всё до лампочки, в том числе и наличие в мозгу заточенной полосы отличной японской стали.

И тут за спиной я расслышал отчетливый щелчок переводчика режимов огня. Дисциплинированный попался второй рептилоид – в условиях жесточайшего постапа, находясь на посту, автомат на предохранителе держит. Ай, молодец!

То есть, подарил мне кешайн одну лишнюю секунду. Которой мне хватило, чтобы вырвать меч из черепушки трупа, после чего описать клинком широкий полукруг, в конечной точке которого лезвие столь же легко прошло сквозь толстую шею автоматчика, прикрытую чешуйчатой броней, заменяющей кешайнам кожу.

Тот рептилоид, что завис у костра, открыл от удивления пасть, и с такой вот разъявленной пачкой потянулся за автоматом, висющим за спиной. Долгое занятие, особенно когда от растерянности продолжаешь сидеть на корточках вместо того, чтобы резко отпрыгнуть назад, и уже с безопасного расстояния перебросить оружие со спины в руки.

Но таким трюкам учиться надо, а кешайнам по ходу огнестрелы выдали недавно, и курсы молодого бойца желтоглазые наверняка не проходили. Поэтому мастеру по разведению костров, неискусенному в науке стрельбы из любых положений, я просто раскроил башку резким

ударом сверху вниз, от которого он рухнул располовиненной мордой прямо в огонь, тут же загоревшись едва разгоревшееся пламя кроваво-белым содержимым своей башки.

А вот четвертый рептилоид, тот, который собирался нашинковать кого-то своей саблей, оказался и шустрее, и сообразительнее коллег по ратному делу. Вместо того, чтоб довершить начатое, он резко развернулся навстречу опасности в моем лице, и, ловко крутя в воздухе длинной кривой саблей, ринулся на меня...

Я вообще к длинномерному холодняку всегда был равнодушен. До сего дня. Мечи мне казались чем-то жутко экзотическим, неприменимым в реальной жизни и в настоящем бою. Но катана Савельева оказалась на удивление легкой, отлично управляемой что одной, что двумя руками, и разрубающей живую плоть не хуже моей «Бритвы». Ее рукоять словно прилипла к моим ладоням, меч будто стал продолжением моих рук, и я совершенно не думая, чисто на рефлексах не знамо откуда у меня появившихся, резко присел, уходя от профессионального свистящего удара, который несомненно снес бы мне голову...

И рубанул по низу. По коленям кешайна, сквозь которые клинок старинного японского меча прошел так же, как и до этого, то есть совершенно без сопротивления.

Желтоглазый даже боли не почувствовал. Его лапища, сжимающая рукоять сабли, дернулась было, выводя оружие на второй удар – но тут рептилоида подвели ноги. Развалились надвое, отчего кешайн, взмахнув лапами, рухнул на спину, прямо на тело, которое собирался расчленивать. Из обрубков нижних конечностей хлестануло кровью метра на два, правда фонтан тут же сник – при таких ранениях интенсивность кровотечения стремительно сходит на нет. Вместе с жизнью.

Правда, чешуйчатый еще мог заорать, даже пасть раззявил для этого. В нее я и всадил клинок, провернув его для надежности. Ибо с развороченным горлом орать очень неудобно.

Всё произошло за считанные секунды. Честно говоря, я сам был крайне удивлен тем, с каким проворством я прищучил четырех мутантов совершенно непривычным для меня оружием. Никак, генетическая память проснулась? Меченосец я наследственный или где?

Однако удивление не мешало мне трезво оценивать обстановку. Возможно, в лагере не заметили нашей маленькой возни. Выстрелов не было, воплей – тоже. А может и заметили, но еще не осознали, что же именно произошло возле пролома в стене казарм. Тревогу по такому поводу обычно не поднимают, но проверяющих для выяснения высылают непременно.

Поэтому действовать надо было быстро.

Душевым пинчищем я сбросилдохлого рептилоида с тела его потенциальной жертвы – и удивился вторично.

Недорезанной жертвой оказался парень, с виду лет семнадцати-восемнадцати, не больше. Правда, для тинейджера уж больно здоровый. Лицо еще почти детское, едва светлый пушок под носом пробился, а всё остальное – как у былинного богатыря. Шея толстенная, плечи – косая сажень, ручищи как лопаты. Интересно, как рептилоиды такого коня живым взяли? Это ж по виду самый что ни на есть кремлевский дружинник, рядом с которым даже Данила смотрелся бы несколько блекло.

Связан тинейджер был добротной, ремней на него кешайны не пожалели. Спеленали словно колбасу, которую шпагатом обматывают. Видимо, заместо колбасы его и собирались употребить, в орде шайнов человечину предпочитают любым иным деликатесам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.